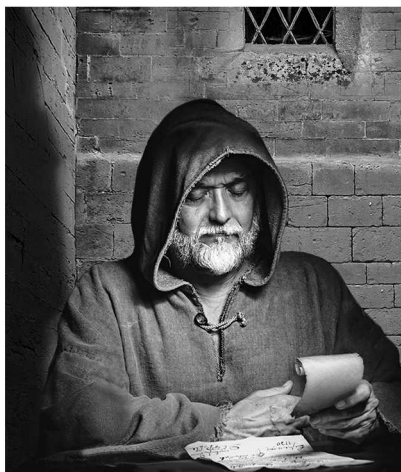

ОТЕЦ
ФЕОНА
МОНАХ-ЫЩНИК

ОТЕЦ
ФЕОНА
монах-сыщик

АНАТОЛИЙ ЛЕОНОВ

ТЕНЬ
ГОЛЕМА

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Анатолий.

Л47 Тень Голема / Анатолий Леонов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-178997-8

Скоропостижно скончался думный дяк Петр Третьяков. Начальник Земского приказа просит знаменитого сыщика отца Феону помочь ему разобраться с оставшейся после Третьякова корреспонденцией. Феона начинает разбирать бумаги и находит тайную переписку думного дьяка с загадочным агентом. Этот агент планирует с помощью некоего Голема осуществить опасное предприятие, способное потрясти устои Московского царства. Прозорливый монах понимает, что Третьяков умер не своей смертью, а сам он теперь стал опасным свидетелем готовящегося заговора...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178997-8

© Леонов А., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Книга четвёртая
«Великий магистерий
Артура Ди»

Часть первая «Война»

Глава 1

*За четыре года до событий,
произошедших в предыдущей книге*

В самом начале мая, в первый понедельник по окончании Дня святых жен-мироносиц, над Замоскворечьем с утра висела огромная свинцовая туча. Ближе к полудню непомерно разбухшая, словно бурдюк, переполненный водой, она уже накрывала собой Кремль с Китай-городом и половину Белого города в сторону Трубы, Тверской и Кисловки. Едва не вспарывая себя о крест колокольни Ивана Великого, туча грозилась порваться и залить землю потоками обильного весеннего проливня, раз в два года обязательно превращавшего московские улицы и переулки в полноводные реки, по которым ко всему привычные горожане передвигались исключительно на лодках и плотах, сколоченных из разоренного тына.

Казалось, очередной порухи городу не избежать, но к началу четвертой стражи, так и не расстаравшись ни каплей дождя, серая мгла рассеялась под мощным напором ветра, порывисто

высветлившего небосвод до состояния горней лазури. Бóльшая часть горожан, настороженно ожидавших урагана, облегченно выдохнула и с легкой душой оставила в прошлом свои несбывшиеся опасения, нисколько не задумываясь о тех, кого минувшее ненастье на короткое время заставило испытывать куда более сильные переживания, удерживая их на тонкой грани между надеждой и отчаянием. Для них все закончилось слишком быстро. Чудо не свершилось. Чаяние уступило место унынию.

На старом пустыре между Болотом и Царицыным лугом, окруженном дровяными складами и торговыми рядами с одной стороны и конской площадкой с кузницами с другой, стояли три просмоленных столба, плотно обложенных вязанками сухих дров. Тут же у подола лобного места стояло два клепаных сопца¹, стянутых черемуховыми обручами. В них зловеще поблескивала черная, маслянистая густа², горячая вода, заблаговременно доставленная специальным обозом из далекой Ухты.

Любознательный московский люд из Чертольских и Замоскворечных слобод и черных сотен в нетерпении толпился вокруг эшафота, ожидая загодя обещанное мрачное зрелище. Всем было любопытно! Что ни говори, а не часто на Руси сжигали преступников. Такое представление

¹ Бочка в 122 литра.

² Нефть.

стоило посмотреть собственными глазами, чтобы потом не пожалеть об упущенной возможности.

Последний раз горел такой костер в Москве семь лет назад, когда в стельку пьяный польский пан Блинский ни с того ни с сего открыл пальбу по иконе Богородицы «у Сретенских ворот». Москвичи на расправу всегда были скоры. Отрубили они на плахе обе руки незадачливого шляхтича и прибили их к стене под образом святой Марии, а самого охальника сожгли в пепел на площади. Но то был папист и враг, совершивший преступление, а это свои, православные, чья вина была не понятна никому из собравшихся.

Впрочем, сегодня народу на Болотной было куда меньше ожидаемого. Очевидно, непогода распугала большую часть тех, кто собирался поглазеть на редкое зрелище. К моменту казни на площади остались только самые стойкие празднующие и баклушники, терпения и свободного времени у которых всегда было с избытком.

Трескуче и зычно гроыхнули полковые барабаны, толпа вздрогнула и замерла. Из распахнутых настежь ворот дровяного склада купца гостиной сотни Алмаза Иванова два стрельца в светло-серых кафтанах с малиновым подбоем полка стрелецкого головы Ерофея Полтева вывели троих приговоренных, связанных одной веревкой. Несчастные были в грязном исподнем и сильно избиты. Двое первых шли молча, шаркая босыми ногами по сухой земле, вдрызг разбитой коле-

сами тяжелогруженных телег. Они шли, не глядя по сторонам. Один был погружен в себя, второй безумен. Третий, самый молодой и щедедушный, с огромным багрово-сизым кровоподтеком под левым глазом, наоборот, затравленно озираясь, заискивающим взглядом побитого пса искал глазами добрые, сострадательные лица.

— Мужики, не надо бы... а? — тревожно лепетал он, с трудом шевеля разбитыми губами. — Грешно ведь! Нет за нами вины. Мы только книги церковные переписывали да старые ошибки справляли. Почто огнем казните, благоверные? Не по-людски! Помилосердствуйте... а?

Шедший следом за осужденными стрелецкий сотник Григорий Черемисинов больно ткнул говорившего тяжелой тростью между лопаток.

— Заткни пасть, вор! Еретикам с людьми разговаривать не положено.

Получив сильный удар палкой по спине, несчастный еще больше ссутулился, вобрав голову в плечи, и взглянул на собравшихся вокруг лобного места с невыразимой тоской и укоризной. Видя этот взгляд, люди в толпе смущенно покашливали в кулак и отводили взгляды в сторону. Сердобольные женщины сокрушенно покачивали головами. Мужики, досадливо хмурясь, чесали затылки, сомневаясь в заслуженности столь сурового наказания для безобидных справщиков. Отсутствие справедливости на Руси всегда осознавалось людьми много острее, чем

общественное неравенство. Когда справедливым судьей назывался не Бог, а некое кем-то сочиненное право, простого человека это не устраивало и побуждало сомневаться, если не в самом Законе, то в законниках.

— Что же их, сердешных, так и пожгут? — растерянно спросила стоявшего рядом соседа Ульянка, вдова тюремного сторожа Гришки Пантелеева, имевшая торговую лавку в живорыбном ряду у Замоскворецких ворот.

Сосед, певчий дьяк Благовещенского собора Иван Ищеин, потер влажные ладони и боязливо оглянулся по сторонам.

— Один Господь ведает, что было! — произнес он заговорщицким полусшепотом. — Вроде трудились переписчики с государева соизволения, под руководством просвещенного архимандрита Дионисия, а получилась ересь!

— Как так?

— Да не знаю я! То ли добавили чего лишнего, то ли, наоборот, выкинули что-то важное! За то и пострадали!

Ульянка зацокала языком, удивленно выпучив глаза на всезнающего певчего.

— По закону разве за книжки костром карать? Грех ведь!

Иван Ищеин невесело ухмыльнулся в жидкую бороденку.

— В народе как говорят? Не будь закона, не стало б и греха!

— Не знаете — не говорите! — влез в разговор пузатый, как венгерский хряк, гостиной сотни, овощного ряда торговый человек Евстафий Семенов.

Он окинул притихших собеседников презрительным взглядом.

— Третьего дня отец Еремей с Николы Чудотворца на Китае на проповеди сказывал, что хотели еретики огонь в государстве нашем извести!

— Весь? — в ужасе ахнула Ульянка.

— Знамо дело! — снисходительно улыбнулся Евстафий. — А так-то оно зачем?

— Так-то оно, конечно! — охотно согласилась Ульянка, кивнув головой, и благоразумно замолчала, вернув свой интерес происходящему на лобном месте.

Между тем осужденных книжников расторопные помощники палача уже привязали к позорным столбам прочным воровским узлом. Молодой подьячий Судного приказа, держа в руках развернутый столбец, гнусавым голосом зачитывал все провинности и окаянства приговоренных еретиков, нимало не заботясь тем обстоятельством, что его тихий голос едва ли был слышен дальше первых рядов людей, собравшихся на Болотной.

Напряженное предвкушение жуткой развязки, казалось, выпарило часть воздуха над площадью, сделав его густым и тягучим. Многим стало тяжело дышать. Были и те, кто падал в обморок.

Младший из справщиков уже не молил о пощаде. Он стоял, прочно привязанный к столбу, и, закрыв глаза, беззвучно плакал. Слезы текли по его щекам и капали на отворот рваной, перепачканной грязью сорочки. Он больше не надеялся. Надежда вместе с последними силами оставила его у столба. Второй приговоренный, невысокий, крепкий мужчина лет сорока, видимо тронувшийся рассудком еще до дня казни, оказался счастливей своих товарищей. Он все время улыбался, с детским любопытством наблюдая за приготовлениями палачей, и мурлыкал под нос старинную колыбельную, заменяя давно забытые слова обычным мычанием.

И только третий из несчастных горемык, благообразный старик с тонкими, почти иконописными чертами лица, в этот трагический момент своей жизни сохранил ясность ума и твердость духа. Когда палач, проверив узлы веревки, стягивающей тело, издевательски спросил: «Не жмет?» — он, не удостоив ехидного ката даже взглядом презрения, бросил в толпу зычным, хорошо поставленным голосом:

— Православные! Ныне, стало быть, уходим мы с братьями к Свету! Молитесь за нас, грешных, ибо смертью огненной положено нам начало покаяния нашего!

Старик повернул голову к своим притихшим товарищам. Глаза его светились какой-то осо-

бой, не поддающейся описанию силой и уверенностью.

— Братья, Свет Христов вразумляет даже врагов! Не след нам бояться! Убивающий тело бессмертную душу погубить не в силах!

Сотник Черемисинов, морщась, словно кислицу надкусил, тихим голосом распорядился, глядя палачу в глаза:

— Чего ждешь? Начинай!

— Так это... — развел руками палач. — Последнее слово вроде?

— Отступникам не полагается. Жги!

Дважды сотнику повторять не пришлось. Шустрые подручные ката-живореза без милосердия облили приговоренных нефтью, зачерпнутой из бочек, стоявших неподалеку от места казни. Старик замолчал, захлебнувшись на полуслове. Поток маслянистой черной жидкости накрыл его с головой. Следом на каждого из приговоренных, для верности, вылили еще по паре ведер «горючей воды». Теперь все было готово.

— Жги! — повторил Черемисинов, махнув тростью.

— Слава Богу за все! — успел еще выкрикнуть старик до того, как горящий факел, пущенный умелой рукой в самую середину облитой нефтью пленницы, заставил его замолчать навсегда. С громким хлопком нефть вспыхнула, обдав первые ряды зрителей обжигающим ветром. С ужасающим воем и грохотом пламя живых костров

взметнулось под самые небеса. В этом шуме потонули вопли казненных и крики оробевших зевак. Впрочем, и то и другое скоро закончилось. Люди, уstraшенные дьявольским зрелищем, молча наблюдали, как горят, потрескивая, три кострища, источая вокруг себя черную копоть и тошнотворный запах горелого человеческого мяса.

На Царицыном лугу, немного в стороне от Болота, окруженная челядью из числа светских и духовных захребетников и приживал, наблюдала за казнью мать царя Михаила Романова, Великая государыня инокиня Марфа Ивановна. Ее грубое, словно из сухого пня вырубленное лицо не выражало ровным счетом никаких сильных чувств или особых переживаний при виде догорающих костров на месте казни. Очевидно, что расправа над безобидными переписчиками оставила ее равнодушной. Дождавшись, когда прогоревшие столбы рухнули в пылающие угли дровяных поленниц, она бросила строгий взгляд через плечо, внимательно осмотрев толпу приспешников. Увидев в первых рядах главу Приказа Большого дворца Бориса Михайловича Салтыкова, она резко спросила его:

— Борис, где твой брат?

— Не знаю, тетушка, я ему не нянька! — спесиво надув губы, ответил надменный царедворец, слегка обиженный вопросом, не относящимся лично к нему.